

«Я — РОДОМ ИЗ ЗРИТЕЛЕЙ»

Среди моих любимых актрис есть одна, имя которой, может быть, не так широко известно — она не снимается в кино, и зрительская аудитория ее ограничена стенами Московского театра имени Маяковского. Но тот, кто видел спектакли с ее участием, вряд ли забудет эту удивительно непосредственную, умную и тонкую актрису. Это заслуженная артистка республики Клавдия Васильевна Пугачева. Я пересмотрела все спектакли с ее участием, и с каждой встречей вера моя в нее крепнет. А недавно совсем случайно мне стало известно, что Клавдия Васильевна и человек очень интересной судьбы — об этом я узнала от одной из ее бывших подруг по детскому дому.

Может быть, можно устроить встречу с Клавдией Васильевной Пугачевой на страницах «Собеседника»?

Н. ЗАМЯТИНА,

преподаватель детской музыкальной студии Дома культуры «Маяк».

Сегодня я нас в гостях заслуженная артистка республики Клавдия Васильевна Пугачева.

ШЕЛ Великий Октябрь. Жесткая война хижин с дворцами. И плодами этой войны были не хаос и разрушение, но созидание. Оно проявлялось в каждой ситуации, в характерах, в судьбах. В том числе и в судьбе горластой беспризорной девчонки Клары Пугачевой.

— Клавдия Васильевна, какой день вы считаете поворотным в своей судьбе?

— Трудно назвать какую-то определенную дату. Это дело долгих лет. Но один эпизод, пожалуй, položил начало всему. Это произошло в мою детдомовскую пору. Кто-то прибежал и завопил: «Кукольщик, кукольщик пришел! Айда скорее!»

«Кукольщиком» оказался замечательный артист и педагог Александр Александрович Брянцев, основатель первого ТЮЗа в нашей стране. Но это потом. А пока он перетянул простыней комнату и стал показывать буржуя, который всех обижал

и притеснял, а потом все взяли, да и отлупасили его как следует! Нам битые буржуя понравились чрезвычайно, мы кричали: «Еще, еще!» Брянцев побил его «на бис», потом вылез из-за простыни и спросил: «А круглые сироты у вас есть?»

Сироты нашлись, в том числе и я. Повел он нас с собой и угостил пряниками. Было хорошо. Чудно было думать, что ты хоть и сирота, но о тебе думают и бюют для тебя буржуев и пряниками кормят. Я тогда поняла — актер должен быть добрым. Он играет не ради самой игры, а ради того, чтобы зрителю было хорошо...

И еще, что смех — это прекрасно: ведь он вселяет силы и бодрость и заставляет забыть, как на этом свете голодно, холодно и неубито. А значит, актер, который заставляет людей улыбаться, смеяться, — добрый человек. И мне захотелось все время смешишь своих друзей, чтобы им легче жилось. Позднее, когда я попала в театр, начала играть, я еще больше поверила в добрую миссию актера...

— Где это было?

— В ТЮЗе. Но сначала была первая художественная студия при Путиловском заводе. Вроде и время было не такое, чтоб уделять самостоятельности особое внимание, и тем не менее готовили нас отменно. В обязательном порядке учили пению, пластике, акробатике, фехтованию. Это нас-то, бывших беспризорников! Луначарский потом назвал нашу студию «питомником талантов».

А потом был ТЮЗ, приемные экзамены. Помню, узнала я, что на экзаменах нужно будет плясать, а плясать мне не в чем. Выручили девчонки: дали напрокат... самодельный абажур. Я его на себя надела и — через весь Ленинград — в театр, делаться актрисой. Смех и грех вспомнить! Взяли меня, однако, в театр. На первых порах на роли снежинки, зверюшек разных и жар-птиц. Тогда впервые дали мне понять, что такое актерская дисциплина. В первом действии «Конька-Горбунка» мне нужно было играть Снежинку, а во втором — девочку в толпе. Весь антракт я проболтала и забыла переменить костюм. Зал был удивлен — среди народной толпы торчит шальная снежинка! После спектакля вызвал меня к себе тот самый «кукольщик» — Александр Александрович Брянцев. Крепко меня отругал, а в конце пригрозил:

— Если еще раз такое повторится, не бывать тебе актрисой. Так и знай.

— Не слишком ли он был строг?

— Нет. Для меня эта строгость и требовательность — продолжение все той же любви к зрителю. Зритель обманывать нельзя, его надо уважать безмерно — вот что он нам

внушал своей требовательностью. И с тех пор, поверите ли, ни разу в жизни не было у меня опозданий, накладок и прочих неприятных для зрителей вещей. Актер никогда не должен забывать, что сам он — родом из зрителей и что ничто зрительское ему не чуждо.

— И последнее. Конечно, вас часто спрашивают, как стать актером, что для этого нужно, кроме таланта? Как вы отвечаете на этот вопрос?

— Если об этом заходит речь, я всегда говорю: прежде всего нужна воля. И рассказываю о Черкасове. Как пришел он к нам в ТЮЗ, длинный и худощавый, и все сразу решили: комик пришел. А он вопреки всему хотел играть драматические роли. Долго их ему не давали. Наконец разрешили играть отца Карла Моора в «Разбойниках». Тогда действия ему полагалось в длинном-предлинном балахоне вылезать из пещеры. Начал он вылезать. Лезет, лезет, и все ему нет конца. Тут плакать надо, а зал хочет. Режиссер ломает руки. Комик, ну, конечно же, комик! Уж, казалось бы, как тут не примириться со своей судьбой? Но Черкасов был упрям, и воле его мог бы позавидовать каждый. Прошло время, и он стал звездой нашей драмы, добился цели, которую поставил перед собой в жизни.

Пожалуй, это и есть главное. Не только для актера — для каждого человека: твердо знать, чего ты хочешь добиться в жизни, и стремиться к этому. Но такое возможно только тогда, когда человек «одержим» своей идеей, когда им владеет, говоря поэтическим языком, «одна, но пламенная страсть».

Беседу записал А. ЯКОВЛЕВ.

Г. Р. У. Д.
г. Москва

29 НОЯ 1978